

Неблагодарное это занятие, бледным языком писать о сказках Светланы Волковой. Легких, как полет одуванчика. Чистых, как целебный таежный родник под смородиновым кустом. Теплых, как ласковая материнская рука, исцелявшая наши детские ссадины и порезы.

Как там обычно все начинается? «В некотором царстве, в некотором государстве жили-были старик со старухой», или «царь и царевна», или «мужик да баба». Кто из нас не помнит этот мощный, колыбельный, убаюкивающий запев, под который наша матушка-Русь испокон веков поднимала подрастающие поколения, напитывая их верой в неизбежную победу добра над злом.

Из этого же глубинного, незамутненного истока проистекает камерное, на первый взгляд, творчество и нашей замечательной иркутянки, в котором сказочный канон (злключения героев, нарушающих те или иные запреты, появление скорых помощников и волшебных предметов, счастливый конец, ритмичность напевных повторов и другое) никогда не сковывают легкокрылого авторского воображения.

Творческая же фантазия Светланы Волковой воистину поразительна!

В одной из ее сказок старенькие, с заплатками на пятках валенки ходят сами по себе то к зайцу Евсейке, то к девочке Тайке, чтобы те не замерзли в зимнюю стужу. В другой озорной котенок по кличке Полосатый по дымящему столбу забирается на небо, распускает там в пух облака, а потом запутывает в клубок дождевые нити. В третьей Лунный Заяц из пуговицы от старенького пальто Кати вырашивает для нее на Луне обновку.

Отрицательные герои также легко вписываются в нее. В сказке с загадочным названием «Куфадеи» появляются в подполье некие, похожие на огородные пугала, inferнальные герои: Куфадеиха и Куфадей, «тощий как скелет, в фуфайке и шапке ушанке». Во время отъезда хозяйки они мигом сбывают с рук чужое добро, продавая на базар корову, петуха и куриц, топор, сани и дрова. В конце концов продают само лето: бочки с дождями, корзины с облаками, бабочками и грибами. Есть на эту тему у автора и другой, не менее остроумный вариант. Пользуясь сварами соседей, воришки незаметно крадут у них... всю Проточную улицу с домами и заборами. Покидали их в мешки и айда с глаз долой в Сарафановский лес! «Была улица Проточная и нету Проточной!» («Пиво-квас»). Живите теперь как хотите, воюющие друг с другом люди, индюки и собаки. Вот такой поучительный фантастический урок!

Внимательно вчитываясь в тексты, никогда не знаешь, куда, стремительно оторвавшись от бренного мира, зашвырнет тебя дальше вместе с главными героями траектория этого дерзкого поднебесного полета авторской фантазии, не лишенная изящества и грации.

Как у всякого зрелого мастера, есть у Светланы Волковой своя творческая география, где живут ее неунывные многочисленные герои: что-то среднее между провинциальным городом и привольным селом, в котором угадывается Иркутск с его старинными резными теремами и заснеженными трамвайчиками. Здесь мож-

но долго бродить по тихим улочкам, заросшим черемухой и тополями: Потерянка, Подгорная, Кузнечная, Снежная, Озерная... От названий их веет уютным, охранительным теплом. По ходу трамвая встречаются знакомые остановки — «Каланча» и «Дом со львами», а на окраине, близко подходящий к улицам, шумит Сарафановский лес, где по ночам жгут костры цыгане, промышляющие разбоем и воровством.

Все в этой сказочной местности родное, узнаваемое.

И если однажды, скрипнув тяжелой дверью, мы войдем в один из домов, стоящих на этих улочках, сразу от порога дохнет на нас слобным теплом беленая русская печка, веселым солнышком ляжет под ноги вязаный из старых тряпич кружок и заалеют на подоконниках — от радостной встречи с долгожданным гостем — герани в горшках.

Отдавая благодарный поклон этому уходящему патриархальному миру, автор искусно воссоздает красоту его быта и житейского уклада, возвращая новому, преимущественно городскому поколению такие полузабытые слова, как «ушат», «кисет», «плошка», «поддувало» и другие.

Живописуя эстетическую и нравственную устойчивость этого мира, веками создаваемого ушедшими поколениями и живущего по законам живой народной совести, автор утверждает его как основу жизненной гармонии. Но устойчивость эта не бывает сама по себе. Она может держаться только на чьих-то надежных плечах, на постоянных усилиях и нравственном напряжении верных ее охранителей.

Кто же они, эти скромные часовые, всегда стоящие на страже этого светлого, цельного, душевно здорового мира? Простые люди с трудовыми мозолями: плотники и кузнецы, охотники и лесники, отцы и деды, матери и, конечно же, бабки-няньки. В сказках они ловят рыбу, косят сено, смалят лодки, вяжут теплые шали и пекут душистые шаньги с творогом.

Вот перед нами дед Полешко, всего-то росточком с полено, «рубаха как береста у березы, лицо будто топором вырублено, а доброе». Это он играючи мастерит для Пашутки санки-самозвонцы и туесок с золотым пояском, наказав мальчонке, что выше пояска бруснику в тайге добрым людям брать не положено («Дед Полешко»).

Благородная, одухотворенная старость, хранительница житейской мудрости и наследница многих крестьянских умений, показана автором и в образе бабки Анфисы, которая переходит из одной сказки в другую. В ней нет слащавой «пирожности» положительной (как принято говорить) героини. Она скоро на руку во гневе, в меру строга и отходчива с внуком, гостеприимна и ворчлива. Самое драгоценное качество ее натуры — сердобольная жалость ко всем и вся. Та щемящая интонация, с которой скупыми, но яркими штрихами выписана она автором в сказке «Ракитовый барашек» (заболевшая бабка Анфиса тоскует здесь о своей ушедшей молодости), дает основания предполагать, что этот образ вобрал в себя светлые черты матери и бабушки самого автора. Все остальные возрастные героини — бабка Ильинична, бабка Никитична и другие старики, вынырывающие в последующих сказочных историях, лишь наследуют этот светлый образ, с его все покрывающей любовью, объединяющей и согревающей пестрых обитателей сказочных широт.

Очаровательная сказка «Мышка Прокопьевна» начинается с того, что кошка Василиса взялась мышей из дому выгонять. Надоели они ей и бабке хуже горькой редьки. Одни убытки от них! Но когда мышиная команда с писком и слезами ста-

ла покидать родимый дом, сердце бабки Анфисы не выдержало. «Дала им бабка Анфиса пятак, чтобы они на новом месте жили богато, до дверей проводила...»

Ну, как тут не улыбнуться и не вспомнить знаменитые слова Ф.М. Достоевского, размышлявшего о свойствах загадочной славянской души: «Эта драгоценная жалость наша...»

В народе часто говорят: «Он (она) ее (его) жалеет».

Жалеть, значит любить. Испокон веков на Руси такая жалость покрывала всех, не исключая людей пропащих и преступных. В этом смысле среди отрицательных героев трудно отыскать совершенно отпетых злодеев, воплощающих в себе предельное зло. Внимательно перечитывая перед этой статьей книги Волковой, я насчитала всего три таких персонажа. Это мертвящий все вокруг Собачий Мороз, Тащи-Хватай («новый русский», олигарх из последней пьесы «Снегуркина кукла») и подлая, завистливая кошка Сажа, которая ненавидит само небо, где вот-вот должна засиять рождественская звезда («Трубочист и Агаша»). При всей внешней наивности последней упомянутой сказки вдумчивый читатель сможет уловить в этом образе демонический оттенок его духовной сути. Все остальные герои так или иначе отчасти оправдываются автором, вызывая невольную симпатию и жалость «драгоценную нашу».

Размышляя над истоками дурных поступков этих несчастных бедолаг, автор приглашает читателя погрузиться в их прошлую, прожитую жизнь, где они по каким-то причинам не смогли получить достаточно любви и тепла от близких им людей.

Так в одной забавной истории девочка Катя попадает в дом братьев-воронов: «...все у воронов черное, печка закопченная. Под потолком люлька, а в люльке лежит вороненок». Он еще совсем мал, но душа у него уже черная, как его вороненные перья. Слишком жестко относятся к нему старшие братья-вороны. До утра рассказывала ему девочка сказку, «слушал, молчал вороненок. К утру у него выпало одно перо черное. Катя сожгла его в печке. Назавтра опять завела сказку с вечера». И так день за днем, пока черный, как смоль, вороненок не стал белым птенцом. («Село Котоваськино»).

И даже чумазая кочерга, которую Катя уважила, назвав ее по отчеству Кондратьевной, сменила к девочке гнев на милость. Таких по-житейски узнаваемых (а не волшебных) ситуаций у автора довольно много.

С теплым, сострадательным юмором вылеплен такой же бедолага в «Резном Гребешке»: это Дядя Волк. Переживший утраты, обиженный на судьбу и зачерствевший сердцем, он похож здесь на угрюмого, одинокого бобыля, живущего в давно запущенном доме. Спасая дорогой его сердцу подарок матери, волшебный резной гребешок, Пашутка врывается однажды в его неуютное логово.

«Волк обувался — от удивления сапог из лап выронил.

— Ой, спрячь меня, дяденька Волк, — просит волка Пашутка. — Гонятся следом сороки. Хотят Резной Гребешок отобрать. Меня заклевать, зашипать.

— Вот удивил, — рассмеялся Волк. — Когда это волки были малым ребятам защитниками? Да я всех коз в лесу разогнал. Я всех зайцев распугал! Не добуду сегодня ничего на охоте — и тебя не помилую!

Обул волк сапоги, заглянул в пыльное зеркало.

— Ох, и худ я стал. Шерсть как на бездомной собаке скаталась. Дай-ка мне, что ли, твой Гребешок.

Стал Гребешок Волка причесывать. Водит по мосластой спине. Гладит по лобастой голове. Нагнул голову Волк, глаза прячет, вздыхает:

— Так ласково меня только матушка гладила. А сорок я сейчас распугаю.

Взял Волк ружье — как пальнет!»

И здесь мы встречаемся с еще одним, очень важным, принципиальным убеждением автора. Чутко наследуя нравственные народные традиции, он утверждает мысль, которая всегда отчетливо звучала в нашей классической литературе. Сердце любого человека есть поле битвы добра и зла. И любая капля добра, с любовью отданная колеблющемуся между этими полюсами, способна высветлить мир в целом, усилить его гармоническое звучание и внутренне преобразить того, кто мог бы рухнуть в бездну окончательной душевной тьмы.

Когда зарождается зло в душе? Где его начало? Как детский писатель, на протяжении всего своего творчества с пристальным вниманием вглядывается Светлана Волкова в детское сердце. Детей по малой их безгрешности часто называют ангелочками. Но так ли безвинна детская душа — этот «чистый лист бумаги»? Сколько острых копий переломано уже в жарких дискуссиях на этот счет учителями, психологами и прочим ученым людом. Сколько было попыток и разных экспериментов и на западе, и у нас по воспитанию идеального гражданина, начав с этого самого «чистого листа».

Святоотеческая литература утверждает, что злое семя в сердце может проклюнуться из мимолетного худого помысла. Не остановленное вовремя трезвенной мыслью и доброй волей человека, оно может укорениться в нем и привести к трагедии нравственного падения, к ложной цели, которая способна исковеркать всю его дальнейшую жизнь.

Проблема зарождения зла в душе ребенка — одна из ведущих тем в творчестве Волковой. Особенно резко сфокусирована она в образе Пашутки.

Почти всех своих героев автор ставит в жесткую ситуацию нравственного выбора. Доброму, но азартному Пашутке, пуще всего на свете любящему волю-вольную, то и дело переходящему запретные границы, этот нелегкий, болезненный выбор дается особенно тяжело. В цикле сказок, озаглавленных как «Дед Полешко», автор проводит своего нетерпеливого героя через «воду, огонь и медные трубы». Нравственно взрослея в борьбе то с одним, то с другим соблазном, Пашутка постепенно учится держать свое слово («Моховой»), побеждать жадность («Гуесок — золотой поясок»), кичливость и хвастовство («Сосновые санки»), небрежное отношение к работе («Тислое Кесто»). Нелегко, ох, нелегко дается ему строгая наука самоограничения, без которой личность неминуемо соскальзывает в голое потребительство и бесчувственный к чужой боли эгоизм.

Образ девочки Тайки в другом цикле, обозначенном как «Лоскутный половичок», как бы возвращает нас к уже знакомой бабке Анфисе. Тайка — ее внучка, наследница благородных черт ее характера. (Впрямую это, правда, не говорится, но читается между строк.) Кто из нас не помнит того восторга, когда однажды, вдруг (!) от бабушки или мамы перепадала нам в детстве серебряная монетка в десять или двадцать копеек старыми деньгами? Какими счастливыми богачами чувствовали мы себя тогда! Какие жгучие мечты о долгожданном, вожделенном лакомстве кружили наши головы!

Вот и Тайке выпало такое счастье. Крепко зажав пяточок в ладошке, шла она на базар, чтобы усладить себя там конфетой-тянучкой и попить сиропу с газом. Глядь, а на углу сидит бедная старушка с пучками увядшего укропа. «Тайка вздохнула, достала свой пяточок, у бабки укропу купила. Да только что делать с этим укропом? И дома зарос им весь огород («Укропная принцесса»). В другой истории

Тайка возвращает золотую подкову чудесной лошадке, которая дарит ее на счастье другим людям. Стукнет она копытом под окнами больного старика, и тот здоров, проскачет мимо дома девицы, и та сразу найдет в траве обручальное кольцо. «Весело, легко бежит лошадка». И только Тайка замечает «как лошадке больно. Очень больно по камням бежать неподкованной. Наклонила она золотую голову, и никто не видит, как она плачет. Если бы булыжники видеть могли, они, наверное, стали бы мягче» («Лошадка золотой масти»). Дополняет ее образ сказка «Собачий Мороз». Одна-одинешенька на студеной улице выдирает здесь эта маленькая девочка вмерзшие в землю камни, чтобы соседские мальчишки не бросали их в бездомного щенка Заплатку. (Чем-то в этой сказке Тайка напоминает мне Валентину из пьесы Александра Вампилова «Прошлым летом в Чулимске», которая вот так же упрямо, на смех людям, без конца чинила калитку, чтобы прохожие не топтали траву и цветы в палисаднике, а обходили бы его стороной).

Никто из нас не способен вычерпать океан мирового зла. Но одну-то, другую каплю убавить из него можно? И... если не я, то кто же? Если говорить уж очень серьезно, то лучших героев в сказках Светланы Волковой отличает чувство личной ответственности за все, что происходит вокруг них. Академик Дмитрий Лихачев называл это когда-то «надличностным бытием человека».

Есть и в Тайке, в этой сибирской девчонке с нежным апрельским именем что-то негромко-героическое, несмотря на то, что она тоже проходит суровую школу житейских соблазнов. А их у нее не меньше, чем у Пашутки. Справедливая и строгая, тонко чувствующая красоту, одаренная сострадательным сердцем, Тайка нередко сворачивает с прямой дороги в сторону. То в шикарные хоромы богатого Шмеля, у которого вместо стекол в окнах разноцветные леденцы, а ставни из расписных пряников («Завидно же!»). То на луг, где резвятся беззаботные стрекозы, для которых вся жизнь праздник («И мне бы так!»). То в сад, где волшебным поет соловей, который кажется ей лучше всех. Дома Тайке бывает скучно, хоть и ждет ее там всегда верный, надежный друг — мышонок Сухарик. Вот и сейчас он ест только черные сухарики, а белые копит для Тайки («Лоскутный половичок»).

Заметим, кстати, что именно в честь этого серого, и, казалось бы, вовсе неприметного героя, названа вся книга. «Сказки мышонка Сухарика» — самый полный, красочный сборник с теплыми, озорными иллюстрациями художника Александра Муравьева. На IX Международном конкурсе детской литературы, проходившем в Тобольске, эта книга принесла Светлане Волковой звание лауреата премии им. П.П. Ершова.

Но какие такие подвиги совершил Сухарик? Маленький, слабосильный мышонок стал в сказках «переводчиком» серьезных авторских размышлений для самых маленьких читателей. По своей сути мышонок Сухарик — это зеркальное отражение уже названных положительных героев, только в малышковом варианте. В этом смысле сказки Светланы Волковой удивительно скомпонованы в книге. Они похожи на большую матрешку, в которую вставлены ее копии, одна меньше другой, в зависимости от возраста той аудитории, которой они предназначаются. Дед Полешко, бабка Анфиса, Тайка, Пашутка, мышка Прокопьевна и мышонок Сухарик — все они как бы выстраиваются перед нами в ряд, убывая по возрасту, но сердцевина у них, безусловно, одна.

Тайка по сравнению с мышонок, конечно же, адресована более старшим детям. Чуткий читатель, давно знакомый с творчеством Волковой, конечно же, почувствует: в этой девчонке мягко и ненавязчиво просвечивают автопортретные

черты ее создателя. Тема жертвенной любви, заявленная в этом образе и, по всему видно, очень важная для автора, давно и глубоко звучала у него и в более раннем периоде творчества.

Так, старый Зонт мечтает укрыть от непогоды весь город («Старый Зонт»). А добрый слон каждое утро опускает в телефон-автомат звонкую монетку, чтобы пожелать знакомым и незнакомым людям доброго утра («Слон Горошек»). Одна из моих любимых сказок этого периода совсем уж коротенькая и, казалось бы, вовсе незатейливая. Каждую ночь, когда засыпает город, по лунным рельсам бежит маленький Паровозик с цветными вагончиками. Он вывозит из города чужие тяжелые обиды, чтобы утром, когда люди проснутся, все увидели: город по-прежнему полон птиц и разноцветных воздушных шаров («Тихий Ночной Паровозик»).

Вот и все! Но вывозить чужие обиды способен лишь тот, кто может нравственно возвыситься над собственной обидой. Стать сильнее ее. А это уже подтекст для раздумий взрослого читателя. Сказки Волковой всегда многослойны и адресованы не только детям, но и зрелой, думающей аудитории, каждый найдет в них свои сокровища для ума и сердца.

В основе настоящей любви лежит добровольная жертва — не устает повторять нам автор эту, изрядно подзабытую сегодня истину. Только такая любовь «сильнее смерти». Только она творит настоящие чудеса. Но чудо у Волковой всегда связано с болью... Ведь чтобы оно свершилось, кому-то нужно пожертвовать своим любимым «Я». Добровольно и осознанно пойти на самоограничение ради другого человека. А это для каждого из нас ой как непросто!

Хочется отметить еще одну очень важную, сквозную тему, которой дорожит и в разных вариациях повторяет автор уже много лет. Пожалуй, она одна из самых сокровенных.

Это тема, связанная с таинственным даром творчества и трудным служением ему. Еще Ф.М. Достоевский сказал, что «красота спасет мир». Знаменитое изречение его давно стало крылатым. Но видимо, каждый честный Мастер той рукотворной красоты, что зовется Искусством, переживает его однажды как личную, внутреннюю драму постоянного выбора между земным соблазном и духовным призванием. Понять эту постоянную внутреннюю борьбу несложно. При бережном отношении к полученному свыше дару, вся жизнь такого человека обречена на тернистый путь. Все силы ума и души своей слагает преданный призванию, честный Мастер на его высокий алтарь. И, как это нередко бывает в жизни, за довольно скудную плату... А кому не хочется жить красиво? Всем хочется.

Тогда правда ли, что «не хлебом единым жив человек»? Может не стоит все-таки тратить единственную, драгоценную жизнь на это самое Художество? И тут самое время вспомнить другое изречение о том, что красота, как известно, требует жертв. И немалых...

Какая-то грустно-поднывающая струнка слышится мне за строчками нежных, в чем-то неразгаданных сказок Волковой, таких, как «Дождик Дударик», «Конек-Ковылек», «Царица стрекоз», «Моховой» и «Золотая веснушка», недавно вышедшая из-под ее пера. Странные, воздушные герои, похожие на детские предрассветные сны, поселились в них между строк.

Скользит, летит по голубому лунному лучу легкий Конек-Ковылек, ветром подкованный. Ростиком он мал, всего-то с наперсточек, но враз может стать быстроногим скакуном. Дружит он только с пастушком Тимошкой. Да вот беда! Не выдержал долго Тимошка этой тайны, решил похвастаться, в цирк привел своего

верного друга напоказ. В шелковом плаще и сапогах-ботфортах вышел с ним на арену, шелкнул хлыстом, как дрессировщик. И тут же исчез Конек-Ковылек, как растаял. Кем был для Тимошки его необычный друг? Таинственным даром свыше, потерянным ради честолюбия и красивой, богатой жизни?

А вот другая история. Ходит между оконных рам, между морозных стекол с узорчатым лесом в мягких валенках старичок Моховой ростом с кедровую шишку. Глаза у него яркие, как незабудки. Поливает на подоконнике герани в горшках. Заветное, волшебное слово знает он, скажет его совсем неслышно, и все вокруг сразу станет другим. «Бывало выдует к вечеру печь, бабке топить неохота. Она к Моховому. Он печь по беленому боку погладит, что-то тихо ей скажет. И в доме тепло. Мороз за окошками ходит, оконные стекла морозит, белого света в домах не видать. Бабка Анфиса бежит к Моховому: «Скажи свое тихое слово». Моховой свое тихое слово шепнет — мороз на ту сторону улицы и перейдет. Сразу окошко оттаит, засинеет в нем небо, покажется улица». Завещал Моховой тихое слово Пашутке с условием: если тот придет к нему за стекло. Дал ему слово Пашутка, да улизнул с ребятами на коньках. И так было трижды. А на следующую зиму не пришел к нему Моховой... Стал тосковать Пашутка, ребячьи шалости ему уже не в радость. И дни тянутся один за другим серые да скучные. Какую же тайну скрывало в себе тихое слово, и почему передать его можно далеко не каждому?

Играет на камышиной дудочке под дырявым кувшином маленький Дождик Дударик, ребяташек баюкает. А старшие братья — Проливень, Косой да Ситный над ним насмеваются: «Вот мы — огороды поливаем, грибы ситом сеем. А ты что? Пустая забава твоя камышинка! Кому нужна такая музыка?». Замолк опечаленный Дударик. Да только не растут без его камышиной музыки ни репа, ни морковка. И не алеют на грядках маки. Что же это за музыка? Какая животворящая сила живет в ней? Где слышал ее, откуда принес ее людям Дударик? И почему именно его в конце этой сказки усаживают на знатном пиру на самое почетное место?

Как всякий мастер, одаренный ответственностью перед порученным ей свыше талантом, Светлана Волкова не может не размышлять о печальном положении культуры, имеющей слабый голос в современном потребительском мире. Вот откуда эта печаль и тихая горечь, которые слышатся у нее не только в последнее время. Хваткие по жизни, рационально прагматичные люди склонны считать таких чудаковатых, незаметных для них «дудариков» пустым мусором сегодняшнего общества, нацеленного на успех, комфорт и богатство. Но во что превратится наша жизнь без их камышиной дудочки, зывающей к «разумному, доброму и вечному»?

Как видим, многие размышления автора, читаемые между строк в подобных сказках, выходят далеко за рамки темы «счастливого детства». Адресованы они, безусловно, зрелому, взрослому читателю, размышляющему «о времени и о себе».

Но вернемся еще раз к нашим загадочным персонажам. Какими бы таинственно-причудливыми ни были все эти по-своему одухотворенные автором герои, видится мне за ними образ человека, бережно несущего в руках священный сосуд особого Божьего дара, называемого талантом. Это все те же верные часовые, охраняющие чистоту и красоту этого мира, в котором им всегда жилось и будет житься нелегко.

Детские сказки пытаются писать многие. Видимо потому, что внешняя их форма кажется простой и доступной, тем более, что мы впитываем их еще во мла-

денчестве, с молоком матери. Но сказочная волшебная муза — довольно капризная особа. Почему она привечает одних и сторонится других? Откуда, из каких мест и времен вынырнул однажды в Иркутске ее светлый ручеек? Загадочная это штука. Но, вникая в родословную историю того или иного автора, кое-что можно все же вычислить о ней.

«Меня всегда озадачивала необычная, довольно редкая девичья фамилия мамы — Керетова, — говорит Светлана. — А не так давно (это было для меня настоящим открытием!) я узнала: на Русском Севере у Белого моря есть и река, и деревня, и село с таким названием. Посмотрела фотографии, а там все-все родное для меня!»

В бывшей Архангельской губернии, действительно, доньше обозначено на карте село Кереть. И река такая есть. Мохнатые могучие ели, будто сошедшие с полотен Васнецова, сумрачно смотрятся в синие озера. Вдоль рек стоят похожие на величавые, гордые корабли, уплывающие в вечность, столетние избы с точеными баясинами у крыльца и тяжелыми охлупнями на крыше, увенчанными крутогрудыми коньками. Исстари жили здесь мореходы, предприимчивые купцы и, конечно, рыбаки, бравшие обычно на свой промысел «бахаря», который расцвечивал их трудовые будни народной утехой — сказками, за что и полагалась ему своя законная доля в богатом улове. В Керети родился и жил известный «бахарь» — Матвей Коргуев, от которого ученые записали более ста сказок, в основном волшебных, изданных потом в двух томах.

Родовая летопись Керетовых начинается в этих местах. Оттуда пришел в Пензенскую губернию и дед нашего автора Иван Павлович Керетов, который позже, после Столыпинской реформы, переселился в Сибирь. Безграмотный крестьянин, унаследовавший от предков не только цепкую хозяйскую хватку, но и богатырский размах своего собственного домостроя, он сумел здесь выучиться на машиниста паровоза, и часто брал в поездки Светика — любимую свою внучку. Одна из последних сказок Волковой («Фуражка с молоточками») посвящена ему.

«Летом я часто жила у дедушки с бабушкой в Зиме, — вспоминает Светлана. — Он такой красивый, высокий дом там поставил, что от земли до окон рукой не достать. Когда приходило время мыть окна, к бревенчатой стене приставляли длинную лестницу, чтобы дотянуться. И хозяйство у него было большое, хлопотное, голосистое. Коровы и кони, свиньи и овцы, гуси, куры. Все это он держал. Со всем справлялся. В тайгу очень любил ходить. Ягоды, грибы... На зиму все это заготавливалось им в каких-то огромных объемах: в большие берестяные короба. Однажды, помню, проснулась, он уже из тайги пришел и в короба всю добычу сыпал. И вот стоят они рядком, друг к дружке. Смотрю — в одном брусника алеет. В другом — темная, как лазурит, голубика. В третьем оранжевые рыжики смеются. И все такое цветное, как будто драгоценные камни сверкают. Я заплакала: «Вы почему меня в лес не взяли?» А мама моя (она была «детский человек», с природным художественным вкусом и выдумкой) мне и говорит: «Светочка, так мы бы тебя взяли, но ты же утром спала! Я из городского сада даже духовой оркестр под окна привела, чтоб тебя разбудить. Трубы трубили, барабаны били, а ты все спишь и спишь...». Как только я этот духовой оркестр «увидела», так мигом слезы у меня и высохли!»

Легко ли затеять свою неповторимую сказку? Внимательно вникая в творческий почерк Светланы Волковой, понимаешь: на самом деле настоящая сказка — крепкий орешек. Только с виду проста, а внутри, в ядре своем довольно премудра. Окончившая филологический факультет Иркутского университета, и как человек

пишущий, Волкова, конечно же, хорошо знакома с русской и зарубежной классикой, отголоски которой при внимательном чтении можно угадать в ее текстах: басни Крылова, сказки Баженова, изумительные сказочные фантазии Писахова, голос Андерсена и Гофмана. Все эти тонкие, навеянные русской и зарубежной классикой образы, конечно же, впитаны ею еще со школьной скамьи. Но лишь самостоятельный талант способен принять их влияние, не растворив в нем свою личность. Неповторимая особенность ее сказок, по моему глубокому убеждению, объясняется теми истоками, из которых они, в основном, родились. Это не только разнообразные народные, но и авторские, литературные сказки. Ведь не определяется же народность, в конце концов, только тем, есть ли среди героев Волковой традиционные герои: Иван-царевич, Змей Горыныч и Баба-Яга...

На самом деле все гораздо сложнее и тоньше. Не только оригинальный сюжет с его волшебными чудесами делает сказку самобытной. Но еще много и других разных тонкостей. Творческий почерк Светланы Волковой, ее особый, ритмично-напевный язык легко узнаваем почти с первых же строк любой чудесной истории. Сказки этого автора живописны, необычайно музыкальны и поэтичны. Но поэзия эта особенная. Она сродни детскому творчеству — импровизированному и шероховатому, когда от полноты чувств сердце ребенка подсказывает, как звонкий мячик, и незатейливые стишки рождаются как бы сами собой. Так и у нашего автора. То ласковые, укачивающие волны колыбельной слышны в них, как в сказке «Резной грешешок»:

*«Баю-баю-баюшки,
Вы усните, заюшки.
Время пряже куделю прять,
Время белому снег упасть».*

То, как бы приплясывая на бегу, врываются в них звонкоголосые рифмованные детские заклички, припевки и дразнилки. Довольно часто эта прозрачная и как бы пронизанная солнечными лучами внутренняя музыкальность сказочных историй начинается с первых же строк — в зачине, или, наоборот, завершает их. Вот начало двух таких историй: «Шесть котят у Василисы. Пять серых белопалых, а шестой — озорной» («Мышка Прокопьевна и Полосатый»). Или: «На задворках в сарае, где крыша худая, семь братьев-дождиков жили. Исправно все семеро людям служили» («Дождик Дударик»). А вот завершение третьей. «Пиво-квас, пиво-квас, помири скорее нас!» («Пиво-квас»).

Есть в ее творческой биографии и другие интересные факты, которые говорят о том, что музыкальное звучание ее сказочных историй было оценено давным-давно. Уже после первой книги, вышедшей в свет и разлетевшейся далеко из Иркутска (а это был сборник ранних ее произведений «Облачный пудель»), в далекую Сибирь неожиданно пришло письмо из Германии. На музыку московского композитора Ф. Моделя на сцене Мюнхенского театра была поставлена детская опера по ее сказке «Приключения Синего Фартучка». Эта же первая книга была переведена на иностранные языки в Прибалтике и Финляндии, а еще несколько сказок — «Облачный пудель», «Девочка и остров», «Слон Горошек» юные таланты из Кишинева превратили в красочные мультфильмы. Последняя, только что опубликованная пьеса «Снегуркина кукла» также необычайно музыкальна по своему внутреннему звучанию.

И, завершая наш разговор, хотелось бы сказать еще о самом, пожалуй, глав-

ном. Не каждому дается редкий дар — способность сохранить на долгие годы творчества то свежее, доверчивое восприятие мира, воспринимаемого как чудо, где слиты воедино фантазия и реальность, где чище краски и ярче звуки, где каждый новый день падает с небес бесплатным драгоценным подарком, а время длится как вечность, останавливаясь над зеленой лужайкой, точно летняя радуга после ливня. Увы, у большинства из нас этот детский, ослепительный земной рай, где так легко дышится и так звонко смеется, с возрастом навсегда остается в прошлом. И нет потом покоя измученной душе... Радужные осколки этой сияющей райской гармонии, где нет вражды и смерти, живут во многих сказках Светланы Волковой, вот почему они так притягательны и для взрослых, израненных жизнью сердец.

Она и сейчас хранит в себе дар этого детского, доверчивого видения мира как самое главное богатство, которое щедро раздаривает, как и прежде, своим читателям.

В сказке «Трава-лебеда» изнывающий от июльской жары и скуки Пашутка мечтает шмыгнуть за забор и нырнуть в блаженную прохладу речки. Это ли не огромное счастье в летнюю пору для ребенка? И вот что дальше здесь происходит. Пожалела его, шепнула Пашутке Трава-Лебеда волшебное слово, обернувшее его белым гусенком, отодвинул он в заборе дощечку, «...шмыгнул в щель — и на речку. По реке селезни плавают, важные, в жемчуга и изумруды разряжены. А серые утки по берегу ходят, на коромыслах из озера воду носят. Бережно несут, ни капли не расплещут. У них в саду сад, а в саду растет виноград. Плавает гусенок в белой рубашонке, ныряет. Важные селезни его не обижают, камешками изумрудными, жемчугами забавляют».

Яркое, самоцветное описание это завораживает почему-то и меня, взрослого читателя. Какое-то забытое, прекрасное воспоминание, медленно и сладко потягиваясь, просыпается во мне, начинает ворошить, будоражить и манить к себе душу. Ах, вот это оказывается, еще о чем! Как же я сразу этого не поняла?

Созданные как венец творения в чудесном, неувядающем саду и ниспавшие с его высоты на бедную нашу планету, мы заметно «оземленились» тут, прикипели к одному лишь земному попечению, ослепли и оглохли так, что зачастую не слышим и не хотим уже слышать ту прекрасную, тонкую музыку небесных сфер, где нам дано было высшее предназначение человека — преумножать красоту и божественную гармонию сотворенного мира.

Как близко прикасалась к этому утерянному раю иной раз душа наша в детстве, и как далеко до него стало потом! Ужели навсегда потеряны они для нас — и тот земной, детский, и этот вечный, манящий к себе небесный рай, и все мы обречены теперь изнывать от бесконечной, ничтожной суеты, тревоги и глухой неудовлетворенности любыми земными успехами? Ужели навсегда потеряны они?

Нет, говорит нам автор, о котором так долго вели мы сегодня речь. Не потеряны. Есть три золотых, но вовсе не волшебных ключа, которые могут заново открыть для нас ту, однажды затворенную дверь.

Первый из них — любовь. Второй — доброта. Третий — чистая совесть.